

РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ

© 2008 г. Л. М. Карнозова¹

Есть ли сегодня в России ювенальная юстиция? Если иметь в виду непосредственный перевод с английского (*juvenile justice* – правосудие в отношении несовершеннолетних), ответ будет положительным. Однако «ювенальная юстиция» – понятие, имеющее собственное содержание. Иными словами, не всякое правосудие в отношении несовершеннолетних можно считать ювенальной юстицией. И хотя вряд ли найдутся страны с одинаковым правовым и организационным устройством ювенальной юстиции, ее наличие или отсутствие достаточно очевидно. Если отвлечься от деталей, можно сказать, что *ювенальная юстиция* – это *воспитательная юстиция*.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы более подробно разобрать этот тезис и сопоставить отечественное правосудие в отношении несовершеннолетних с ключевыми характеристиками ювенальной юстиции. Предмет нашего рассмотрения ограничен одной областью – реагирования государства на правонарушающее поведение/преступления несовершеннолетних.

Предыстория: юные правонарушители и уголовная юстиция

Классическая модель ювенальной юстиции сформировалась в конце XIX–начале XX вв. в оппозиции к карательному способу реагирования на правонарушения несовершеннолетних. В истории законодательств можно выделить на этот счет несколько, порой сосуществующих положений²:

- 1) уголовная ответственность наравне с взрослыми;
- 2) возрастная (безусловная) невменяемость (установление предела, до которого ребенок не несет уголовной ответственности);
- 3) условная вменяемость;
- 4) смягчение наказания;

5) исправление в благоприятной среде (в том числе в специальных учреждениях);

6) воспитание вместо наказания.

Как отмечают исследователи, уже в римском праве содержалось учение об ответственности и особом положении малолетних в уголовном процессе. Однако позднее инквизиционный процесс, сохранив некоторые возрастные границы подсудности, уравнивал положение детей со взрослыми, к ним применялись пытки и те же наказания, что и к взрослым преступникам вплоть до смертной казни³.

Переход от равной уголовной ответственности к смягчению наказания и созданию специальных учреждений для исправления и воспитания несовершеннолетних можно считать периодом *предыстории ювенальной юстиции*⁴. А собственно ее возникновение знаменует принципиальная смена подхода в реагировании на правонарушающее поведение.

Период *непосредственной предыстории ювенальной юстиции* можно отнести к XIX в., когда возник особый интерес юстиции к ребенку. Это явление было частью более широкого общественного и научного внимания к детству. Понять предпосылки рождения ювенальной юстиции можно, если обратиться к *социальной и культур-*

³ Гуревич С.А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники. Сборник статей / С пред. и под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 9; Чарыхов Х.М. Отношение действующего уголовно-процессуального законодательства к малолетним и несовершеннолетним в России // Там же. С. 23–24; Мельникова Э.Б. Указ. соч. С. 27–33.

⁴ В качестве первого законодательного определения ответственности несовершеннолетних в России обычно ссылаются на указ Сената от 23 августа 1742 г. (Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 г. Т. XI. 1740–1743. 1830 (№ 8601), поводом для которого послужило дело об убийстве четырнадцатилетней девочкой Прасковьей Федоровой двух крестьянских детей. Указом определено, что в уголовных делах период малолетства продолжается до 17-летнего возраста, лица этого возраста *не могут быть* подвергнуты ни пытке, ни сечению кнутом, ни смертной казни. Последующая систематизация российского законодательства привела к установлению полной невменяемости для лиц, не достигших 7-, а затем 10-летнего возраста, а для лиц от 10 до 17 лет – к условной вменяемости и смягчению наказания (подробнее см.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 158–164; Гуревич С.А. Указ. соч. С. 7–20).

¹ Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат психологических наук.

² Подробнее обзор форм уголовной ответственности несовершеннолетних см.: Гернет М. Малолетние преступники // Энциклопедический словарь. Изд. 7-е. Т. 28. С. 78–88; Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М., 2000.

ной ситуации того времени – контексту социальных процессов и контексту идей.

Деятнадцатое столетие – век индустриализации, бурного развития капитализма, сопровождавшегося оттоком населения в города, разрывом традиционных социальных связей. Многие дети оказывались в неблагоприятной среде, заброшенные родителями, а то и вовсе на улице. Использовался тяжелый детский труд, который оказывал негативное воздействие на развитие организма ребенка. Нищета, ненадлежащие жилищные условия, плохое питание, невежество, пьянство, разврат, преступность оказывались той средой, в которой дети нередко вынужденно становились на путь бродяжничества, попрошайничества, проституции, преступлений. Как отмечали авторы того времени, отсутствие должного воспитания вело к “моральному одичанию”. В этот период формируются *социологические концепции причин преступности*, в которых ведущими признавались социальные и экономические детерминанты. Это вело к осознанию, что фокус в реагировании на преступность должен сместиться к *профилактике*. Широкое распространение получают разного рода общественные организации, ставившие своей целью благотворительность, защиту детей от жестокого обращения, попечение о беспризорных, больных и других детях, нуждающихся в поддержке, создание благоприятных условий для воспитания и обучения. Открываются приюты, реформатории, школы, мастерские, клубы и пр. Впоследствии такого рода общественные объединения стали составной частью ювенальной юстиции⁵.

Прежде ребенка воспринимали как “уменьшенного взрослого”, и только к концу XVIII – XIX в. заговорили о самоценности детской жизни, личности ребенка, значении воспитания. Мысли философов, писателей, общественных деятелей обращаются к педагогическим концепциям. Во второй половине XIX в. оформляются такие области знания как *детская* и *педагогическая психология*, к концу века появляется *педология* – комплексная наука о ребенке⁶. Развитие *педологических* концепций переносят акцент в целях наказания от *воздаяния* к идее *исправления*. Особую актуальность и специфику эта точка зрения обрела в отношении юных правонарушителей, вредное влияние тюрьмы на которых признава-

лось особенно опасным и способствующим рецидивизму.

Последняя треть XIX в. ознаменована международным движением общественных организаций, тюремных деятелей, юристов, выступающих за особое положение детей в уголовном процессе и применение к юным правонарушителям воспитательных мер вместо карательных. Мировым сообществом была осознана необходимость реформ правосудия в отношении несовершеннолетних⁷. Тем самым обе линии общественного и государственного реагирования: с одной стороны, на детей заброшенных, лишенных должного воспитания и ухода, и с другой – на совершивших правонарушения, стали “сходиться” в одном пространстве – *попечения и воспитания*.

Россия была включена в этот процесс⁸. В каком-то смысле его итогом к концу XIX в. стал Закон “Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости” от 2 июня 1897 г.⁹, содержание которого составили дополнения и изменения в такие законодательные акты, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; Учреждение судебных установлений; Устав уголовного судопроизводства¹⁰.

Закон существенно изменил институт уголовной ответственности несовершеннолетних. Был снижен репрессивный потенциал наказания, санкции дифференцировались для возрастных групп от 10 до 14 лет, от 14 до 17 и от 17 до 21 года. Предпочтение отдавалось отдаче под ответственный надзор родителей или других лиц. Если за совершенное деяние предусмотрено наказание в виде тюремного заключения, оно заменялось на помещение в исправительные приюты или колонии для несовершеннолетних, а при их отсутствии – в особые помещения для несовершеннолетних при тюрьмах или монастырях, соответствующих их вероисповеданию. Для лиц от 14 до 17 и от 17 до 21 года, совершивших серьезные преступления, за которые устанавливалась смертная казнь, каторжные работы, тюремное заключение, ссылка на поселение и т.п., наказания смягчались. К основным процессуальным положениям, внесенным Законом от 2 июня 1897 г., относятся: участие законных представителей (применявшееся, однако, по усмотрению суда); регламентация таких

⁵ См.: Рубашева А.М. Очерк системы борьбы с детской заброшенностью и преступностью в Америке и Западной Европе // Дети-преступники. С. 483–524; Тарасова Е.П. Детские суды за границей // Там же. С. 429–482.

⁶ В 1889 г. американский психолог С. Холл создал первую педологическую лабораторию. В нашей стране в начале XX в. педология развивалась весьма интенсивно, имена ученых, которые занимались проблематикой детства, поистине составляют золотой фонд отечественной и мировой науки (Л.С. Выготский, П.П. Блонский и др.).

⁷ См. обширную библиографию на русском и иностранных языках в книге “Дети-преступники”.

⁸ Беляева Л.И. Размышления по поводу ювенальной юстиции // Вопросы ювенальной юстиции. 2005. № 2 (5). С. 3–9.

⁹ Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XVII. 1897. СПб., 1900.

¹⁰ Анализ этих нововведений см.: Гуревич С.А. Указ. соч.; Чарыхов Х.М. Указ. соч.

мер пресечения, как отдача под ответственный надзор законных представителей и лиц, изъявивших на то согласие, помещение в исправительные приюты и отделения при исправительных колониях, в монастыри; выделение в особое производство дел о соучастии несовершеннолетних; особое производство о разумении (т.е. о наличии у обвиняемого понимания свойства и значения совершаемого им деяния и умения руководить своими поступками) для лиц от 10 до 17 лет; обязательная защита.

Современниками этот Закон подвергался критике за то, что он все-таки коренным образом не изменил правосудие в отношении несовершеннолетних, ряд существенных для защиты интересов ребенка положений не стали гарантиями, а отдачи на судейское усмотрение. Кроме того, он оказался необеспеченным механизмами реализации. Последнее обстоятельство привело, к примеру, к тому, что такие меры пресечения и уголовные санкции, которые рассматривались законодателем как экстраординарные (помещение в особые отделения при тюрьмах или арестных домах) за недостаточностью воспитательно-исправительных учреждений на практике остались вполне обычными¹¹. Тем не менее Закон оказался серьезной новацией и обеспечил определенную базу для становления ювенальной юстиции в России.

Ювенальная юстиция: содержание понятия¹²

Ребенок попадает в поле юстиции, когда его поведение выходит за рамки закона. В этом случае юстиция проявляет интерес в первую очередь к внешним проявлениям, вопросы же “внутреннего обоснования” поведения интересуют ее лишь вторично. Но именно эта “внутренняя основа” и отделяет радикально ребенка (подростка) от взрослого. Осознание детства как особой стадии в становлении человеческой личности и роли институтов в ходе социализации и формирования идентичности молодого человека стали тем

фундаментом, на котором построена ювенальная юстиция.

Причины преступного поведения не могут быть сведены лишь к факторам социально-экономическим. “В структуре личности подростка нет ничего устойчивого, окончательного и неподвижного. Все в ней – *переход, все течет*. Это альфа и омега структуры и динамики личности подростка”¹³. Такое понимание отражено сегодня в международных стандартах в области уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Последние рекомендуют учитывать, что “поступки молодых людей или поведение, которое не соответствует общим социальным нормам и ценностям, во многих случаях связаны с процессом взросления и роста и что, как правило, по мере взросления поведение большинства индивидов самопроизвольно изменяется”¹⁴. Так что во многих случаях лучше (имея в виду будущее ребенка) проигнорировать факт его правонарушающего поведения, нежели пускать в ход “тяжелую артиллерию” уголовного преследования.

Этот принцип, положенный в основу международных документов¹⁵ и формулируемый как необходимость минимизации контактов несовершеннолетнего с уголовной юстицией, нежелательность определения молодого человека как “преступника”, базируется на многочисленных исследованиях. Одной из ведущих концепций, обосновывающих такую позицию, является теория стигматизации, или клеймения (Ф. Танненбаум, Э. Лемерт и др.)¹⁶, существенно повлиявшая на формирование представлений о механизмах криминализации личности. Суть теории в том, что не только (и не столько) “первичное” отклоняющееся поведение, но – прежде всего! – способ реагирования общества на подобное поведение толкает человека (особенно молодого) в криминальную среду. Официальное осуждение

¹³ Выготский Л.С. Педология подростка // Выготский Л.С. Собр. соч. В 6-ти т. Т. 4. М., 1984. С. 242.

¹⁴ Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские принципы). Резолюция 45/112 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г., п. 5-е.

¹⁵ См.: Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Резолюция 40/33 от 29 ноября 1985 г.; Эр-Риядские принципы; Конвенция ООН о правах ребенка; Рекомендация № R (87) 20 Комитета министров Совета Европы по проблеме общественной реакции на преступность среди несовершеннолетних; Рекомендация № R (2003) 20 Комитета министров Совета Европы касательно новых способов работы с преступностью несовершеннолетних и роли правосудия по делам несовершеннолетних.

¹⁶ Обзор криминологических теорий см., например: Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других “отклонений”. СПб, 2004. С. 58–122.

¹¹ В исследовании М.К. Заменгофа показано, что более чем к половине малолетних и несовершеннолетних подсудимых применялась такая мера пресечения, как заключение под стражу (данные по Москве за 1908–1909 гг.), в тюрьмах около 28,7% детей содержалось совместно с взрослыми, в арестных домах – половина (Заменгоф М.К. Меры пресечения и наказания, применяемые к юным преступникам // Дети-преступники. С. 383–411).

¹² Подробнее см.: Дети-преступники / Под ред. М.Н. Гернета; Люблинский П.И. Особые суды для юношества в Северной Америке и Западной Европе. СПб., 1908; Мельникова Э.Б. Указ. соч.; Беляева Л.И. Указ. соч.; Максудов Р.Р., Флямер М.Г. Ответ государства и общества на правонарушения и отклоняющееся поведение несовершеннолетних (Исторический экскурс и методологический анализ ювенальной юстиции) // Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа. Учебное пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М., 2001. С. 52–71.

Таблица 1. Сопоставление базовых характеристик уголовной и ювенальной юстиции (классическая модель)

Характеристики	Уголовная юстиция	Ювенальная юстиция
цель	неотвратимость наказания	защита интересов ребенка благополучие ребенка реинтеграция в общество
предмет судебного исследования	преступление	личность ребенка и его социальная ситуация, причины правонарушения
меры	наказание	помощь, воспитание
принципы	неотвратимость наказания состязательность гласность репрессивная насыщенность формализация процедуры соразмерность наказания преступлению	благополучие ребенка протекционизм конфиденциальность гуманитарная насыщенность индивидуализация процедуры (беседа) соответствие мер личности ребенка и его социальной ситуации
позиция судьи	нейтральная	заинтересованная в поиске решения проблем ребенка
инфраструктура	тюрьма	попечители, воспитательные учреждения
временная перспектива	прошлое	будущее

нарушителя становится актом социального клеймения. Клеймо ставится не на поступке, а на человеке, и отныне отношение общества к нему определяется этим “знаком позора”. Следствием становится “вторичное отклонение” как результат реакции индивида на такое отношение окружающих. Общество фактически навязывает ему социальную роль отверженного и толкает тем самым в криминальную среду, где он становится “своим”.

Точкой начала собственно истории ювенальной юстиции принято считать создание первого суда для несовершеннолетних в г. Чикаго в июле 1899 г. в соответствии с Законом штата Иллинойс (США) – “Закон о детях покинутых, беспризорных и преступных и присмотре за ними”. Образец чикагского суда получил распространение в первые десятилетия XX столетия во многих странах мира.

Суд взял на себя не свойственную ему ранее функцию – педагогическую, воспитательную, ресоциализирующую по отношению как к детям, совершившим уголовно наказуемые деяния, так и к заброшенным и оказавшимся в трудной жизненной ситуации – бродяжкам, сиротам, попрошайкам. Совершенное ребенком преступление стало рассматриваться как его беда, а не вина. Взаимодействие нового суда с системой попечительского надзора образовали ту целостность, которая стала структурной и функциональной основой ювенальной юстиции. Общество и государство *взяли на себя ответственность* за правонарушающее поведение ребенка, поскольку осознали свой долг в обеспечении условий его социализации. Воспи-

тательные меры оказались теперь не на периферии уголовных санкций и даже не рядоположенными с ними, а, как мы сегодня сказали бы, системообразующими. Изменилась вся система правосудия в отношении несовершеннолетних: цели, принципы, процедуры, предмет судебного исследования, принимаемые меры, профессионализм судьи, категории специалистов (см. табл. 1).

Таблица демонстрирует ту принципиальную (парадигмальную) новизну, которую явила собой ювенальная юстиция: “Особый детский суд – не особое производство по преступлениям детей... Заботливый, где нет семейного ухода, исследующий, а не творящий расправу, и воспитывающий, вместо того чтобы наказывать, таким должен быть новый суд, чтобы принести всю возможную пользу. Но новые задачи требуют новых сил. Для наказания достаточно суда и тюремщика; задачи попечения несравненно серьезнее. Нужна целая сеть учреждений, чтобы работа нового суда была успешной”¹⁷.

Ювенальная юстиция базируется на том, что:

- 1) детство – это стадия развития, в ребенке нет ничего раз и навсегда сложившегося;
- 2) задача общества и его институтов – создавать условия для развития ребенка, его социализации и благополучия;
- 3) социальное неблагополучие и правонарушающее поведение – явления одного порядка, ука-зывающие на трудную жизненную ситуацию ре-

¹⁷ Трайнин А. Общие выводы // Дети-преступники. С. 549.

бенка, на изменение которой и должна быть направлена официальная и общественная реакция;

4) общество и государство несут ответственность за то, что ребенок оказывается в неблагоприятной социальной обстановке;

5) наказание усиливает десоциализацию (социальную дезадаптацию);

6) задача суда состоит в защите интересов ребенка; в случае его правонарушающего поведения принимаются меры, которые носят воспитательный характер и направлены на его реинтеграцию в общество;

7) ювенальная юстиция ориентирована на будущее, адекватность принимаемых мер определяется тем, как они повлияют на дальнейшую судьбу ребенка;

8) ювенальная юстиция – это кооперация суда и правоохранительных органов с воспитательными (и иными гуманитарными) учреждениями и общественными организациями с целью решения проблем ребенка, попавшего в трудную жизненную ситуацию.

Описанную модель ювенальной юстиции назовем *классической*, в ней сосредоточены идеалы детской юстиции, сформированные к концу XIX – началу XX в. В течение 100 лет модель претерпела ряд изменений, но ее начала остаются прежними: *ювенальная юстиция – это воспитательная юстиция*, и тем самым она занимает особое место в правовых системах и имеет специфическое содержание, соединяющее право с гуманитарными знаниями и практиками. Ювенальной юстиции не удалось совсем уйти от наказаний, так что в большинстве стран применяются “смешанные” модели, но ее отличительным признаком является не просто наличие в законодательстве норм о воспитательных мерах, а *приоритет этих мер* – установленный законом и реализуемый на практике. Так, в отношении лишения несовершеннолетних свободы в международных документах подчеркивается, что оно может применяться лишь “в качестве крайней меры и в течение минимально необходимого периода времени”¹⁸. Но и такая крайняя мера должна носить воспитательный характер. Определяющими положениями международных стандартов правосудия в отношении несовершеннолетних остаются идеалы классической ювенальной юстиции: приоритет благополучия, потребностей и интересов ребенка.

¹⁸ Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы. Резолюция 45/113 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г., п. 1.

Кризис классической модели. Восстановительное правосудие

В 60–70-х годах в связи с ростом детской преступности в мире заговорили о кризисе ювенальной юстиции. В ее основе лежит представление, что преступление, совершенное ребенком, есть симптом его неблагополучия – социального, психического и т.п.; следовательно, ребенку надо помочь. Поэтому классическую модель ювенальной юстиции называют *реабилитационной* и даже *медицинской*. Она строилась *вне принципа ответственности*, реакция на преступление состояла в решении проблем ребенка, но игнорировала факт причинения вреда жертве. Однако рост детской преступности указывал, что модель не столь эффективна, как хотелось бы. Естественной реакцией стало усиление карательных тенденций. В ряде стран законодательством введена специальная процедура передачи несовершеннолетнего при совершении им серьезных преступлений в уголовный суд (суд для взрослых).

Другим ответом стало *восстановительное правосудие*. Его основная идея в том, что преступление – это причинение вреда другому человеку, а потому совершившее его лицо обязано загладить вред. В создании соответствующих условий и должна состоять реакция государства и общества на преступление. Основной формой, в которой это становится возможным, является медиация – организация встречи сторон с помощью нейтральной третьей стороны для обсуждения последствий преступления и заглаживания вреда¹⁹. Под заглаживанием вреда понимается не только (и не всегда) материальное возмещение ущерба, но более широкий круг восстановительных действий. Восстановительное правосудие осуществило принципиальный поворот в “детском” правосудии, введя принцип *некарательной ответственности*. Формируется новая парадигма – *восстановительная ювенальная юстиция*²⁰. Она сохраняет достоинства ювенальной юстиции с ее социально-реабилитационной инфраструктурой, но привносит новые принципы и цели, в первую очередь – исцеление жертвы и обязательство правонарушителя загладить причиненный его деянием вред. Это уже не только комплекс мер, направленных на решение проблем ребенка-правонарушителя, это создание *воспитательных*

¹⁹ Место примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия // Гос. и право. 2006. № 9. С. 115–122; № 10. С. 113–119.

²⁰ См.: Бэйзмор Г. Три парадигмы ювенальной юстиции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М., 1999. С. 67–99; Карнозова Л.М. Восстановительный подход к правосудию для несовершеннолетних // Мельникова Э.Б., Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция – охранительная и восстановительная. М., 2002. С.89–143.

условий нового типа – направленных на формирование механизмов ответственного поведения.

Фактически восстановительное понятие ответственности становится базовой идеей и вектором развития ювенальной юстиции XXI в.

Российская ситуация: постановка проблемы

Детские суды создавались и в России; первый суд стал действовать в Санкт-Петербурге с января 1910 г.²¹ Он был создан в результате инициатив Санкт-Петербургского Общества Патроната, сформировавшего специальную Комиссию по вопросу о введении в России особого суда по делам о несовершеннолетних, руководил которой профессор И.Я. Фойницкий. Инициатива родилась после доклада П.И. Люблинского о детских судах в США и Западной Европе, непосредственно изучившего этот опыт. Комиссия выработала проект правил об особом суде, который и лег в основу организации детской юстиции. Инициативу поддержали Санкт-Петербургский съезд мировых судей, Городская управа, Городская дума, Министерство юстиции.

Дела в отношении несовершеннолетних были переданы в ведение *особого* добавочного мирового судьи, должность которого была создана специально для рассмотрения этой категории дел. Важнейшей составляющей новой системы была организация попечения над несовершеннолетними. На попечителей возлагалась обязанность присмотра за несовершеннолетним по поручению судьи. Попечитель собирал для суда сведения о социальных условиях жизни ребенка, его семье, выяснял причины, приведшие к преступлению, с тем, чтобы суд своим решением способствовал защите ребенка от влияния неблагоприятных факторов. Попечитель оказывал помощь в устройстве на работу или учебу, взаимодействовал с благотворительными обществами и другими учреждениями и лицами, которые могли содействовать воспитанию несовершеннолетнего. Он составлял систематические отчеты судье о поведении и образе жизни своих подопечных. Попечение над несовершеннолетними возлагалось как на штатных попечителей, так и на добровольцев – представителей обществ, занимающихся защитой детей, и других благонадежных лиц.

По образцу Санкт-Петербургского были созданы детские суды в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Саратове и др. Суды показали высокую эффективность. Заметим, что в России того времени *не было специального закона о ювенальной юстиции*, детские суды были созданы “в порядке частной инициативы (городского самоуправления

ния)”²² и действовали на основе упомянутого выше Закона от 2 июня 1897 г. и правил, выработанных вышеуказанной Комиссией. Отсутствие специального законодательства ограничивало подсудность детских судов. Новая практика интенсивно изучалась и обсуждалась, готовились законопроекты о создании в России ювенальной юстиции, но процесс был прерван Первой мировой войной.

В январе 1918 г. Декретом Совнаркома России²³ судебное рассмотрение дел несовершеннолетних отменено и учреждены комиссии по делам несовершеннолетних. Дела о преступлениях несовершеннолетних стали рассматриваться этими комиссиями, отменено тюремное заключение, применялись меры медико-педагогического характера. Такой шаг рассматривался как дальнейшая гуманизация в обращении с детьми. Однако в 20-е годы дела о преступлениях лиц в возрасте от 14 до 18 лет вернулись в орбиту уголовного правосудия, хотя роль комиссий оставалась вплоть до 1935 г. достаточно активной. Дела передавались в суд по их решению, наказание несовершеннолетним от 14 до 16 лет назначалось судом лишь в случаях, когда комиссией признавалось невозможным применение мер медико-педагогического характера. Установление возраста уголовной ответственности с 14 лет, приоритет мер медико-педагогического характера для подростков от 14 до 16 лет, обязательное смягчение наказания и запрет на смертный приговор для лиц до 18 лет – соответствующие нормы содержались в уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 годов.

Применение мер медико-педагогического характера осуществлялось на фоне бурного развития в России в 20-е–30-е годы детской психологии и педологии. Вообще в первые десятилетия своего существования советская власть возлагала большие надежды на психологическую науку и ее практические ветви (психоанализ, педологию, психотехнику) в связи с грандиозным проектом создания “нового человека”²⁴. В то время педологи работали в большинстве школ, были открыты Педологический институт, сеть кабинетов, специальных детских учреждений.

7 апреля 1935 г. постановлением ЦИК и СНК СССР “О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних”²⁵ возраст уголовной ответственности по ряду преступлений (в том числе по кражам) был снижен до 12 лет; ликвидирована

²² Чарыхов Х.М. Указ. соч. С. 74.

²³ Собрание узаконений и распоряжений. 1918. Отд. 1. № 16. Ст. 227.

²⁴ См., например: Эткинд А. Эрос невозможного. Развитие психоанализа в России. М., 1994.

²⁵ Собрание законов и распоряжений СССР. 1935. Отд. 1. № 19. Ст. 155.

²¹ Бочаров Ю. Первые особые суды по делам о малолетних в России // Дети-преступники. С. 525–542.

Таблица 2. Судебные решения в отношении несовершеннолетних (н/л)³⁰

Годы	Рассмотрено (лиц)	Осуждено (% по отношению ко всем н/л, чьи дела рассмотрены судами)	Реальное лишение свободы (% к числу осужденных)	Условн. лишение свободы (% к числу осужденных)	Осв. от уголовной ответствен. за примирением сторон – ст. 76 УК РФ (% ко всем н/л, чьи дела рассм. судами)	Осв. от уголовной ответствен. с прим. принуд. мер воспитат. воздейств. – ст. 90 УК РФ (% ко всем н/л, чьи дела рассм. судами)
2001	160860	89	20.7	70	1.4	1.5
2002	111043	79.5	21.4	65.3	3.7	1.5
2003	123696	78	26	72	8.6	2.6
2004	140516	69.4	21.4	64	20.6	4.7
2005	146710	67.5	23.7	56.4	24	4.4

норма (ст. 8 Основных начал уголовного законодательства СССР) о преимущественном применении к несовершеннолетним мер медико-педагогического характера; восстановлена возможность применения к несовершеннолетним всех видов уголовного наказания. Соответствующие изменения были внесены в УК РСФСР. Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР “О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности” от 20 июня 1935 г.²⁶ упразднены комиссии по делам несовершеннолетних. Постановлением ЦК ВКП(б) “О педологических извращениях в системе наркомпросов” от 4 июля 1936 г.²⁷ прекращены педологические изыскания. В результате ликвидированы все педологические учреждения, соответствующая литература изъята из оборота, имена многих видных ученых долгое время находились под запретом²⁸.

С 1935 г. карательная политика в отношении детской преступности стала доминирующей и оставалась таковой до конца 50-х годов²⁹.

В принятых в ходе правовой реформы конца 50-х – начала 60-х годов XX в. УК и УПК несовершеннолетним было уделено серьезное внимание. Так, в УК РСФСР 1960 г. введены нормы, смягча-

ющие санкции в отношении несовершеннолетних, а также предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного характера. В эти годы вновь введены комиссии по делам несовершеннолетних, создан институт общественных воспитателей. В УПК РСФСР 1960 г. выделена специальная глава “Производство по делам несовершеннолетних”.

Правовая реформа 90-х годов XX столетия провозгласила общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве составной части нашей правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Ратификация Россией Конвенции ООН о правах ребенка, вхождение в Совет Европы обеспечили важные правовые и политические условия для создания воспитательной детской юстиции.

УК и УПК РФ содержат отдельные главы, относящиеся к несовершеннолетним. Формулировки соответствующих норм вполне отвечают международным стандартам детского правосудия. Введенные 8 декабря 2003 г. поправки в УК РФ значительно снизили карательный потенциал уголовных санкций в отношении несовершеннолетних. Статистика (см. табл. 2) показывает существенные изменения, произошедшие вслед за этим в правоприменительной практике: сокращение доли осужденных, увеличение удельного веса освобожденных от уголовной ответственности. Однако регламентация производства в отношении несовершеннолетних и особенности их уголовной ответственности не исчерпываются содержанием норм, представленных в специальных главах, – последние лишь дополняют общие положения кодексов. Рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних по-прежнему осуществляется в контексте общих принципов и норм уголовной юстиции (ср. табл. 1) и имеет

²⁶ Собрание законодательства СССР. 1935. Отд. 1. № 32. Ст. 252.

²⁷ <http://www.zaki.ru>

²⁸ Эта участь постигла и другие отрасли практической психологии. Мы здесь не обсуждаем методологические и научные позиции педологии, которые нуждались в критике и развитии. Но это был политический разгром, в итоге которого отечественная практическая психология отстала от мировой на несколько десятилетий. И когда мы сегодня сетуем на недостаточно развитую сеть разного рода гуманитарных практик, следует иметь в виду это обстоятельство.

²⁹ См.: Мельникова Э.Б. Указ. соч. С. 56–63.

³⁰ Проценты вычислены на основании данных, полученных из Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

только некоторую специфику, скорее связанную с идеями смягчения уголовной ответственности (как мы видели, достаточно древними) и некоторыми, тоже традиционными, процессуальными особенностями, но *принципиально не меняющую саму систему*.

Из табл. 2 видно, что 80–90% от числа осужденных приговариваются к лишению свободы (реально и условно), остальные меры развиты чрезвычайно слабо.

Наказания в виде лишения свободы несовершеннолетние отбывают в 62 воспитательных колониях, из них 3 – для девочек (на всю Россию). Заметим, что не все регионы имеют свои воспитательные колонии. Лишение свободы оказывается для подростка двойным наказанием, поскольку колонии удалены от дома, огромные расстояния служат серьезным препятствием для посещения детей родными и близкими. Дети отрываются от семей, теряют и без того нередко слабые социальные связи, что усугубляет их дезадаптацию и мало способствует “интеграции в общество”. Эти учреждения принадлежат тюремному ведомству – Федеральной службе исполнения наказаний. Хотя они именуются “воспитательными”, их назначение состоит в реализации карательной функции. Характерно определение, которое дается воспитательным колониям в недавно вышедшей юридической энциклопедии: “Воспитательные колонии – это исправительные учреждения, предназначенные для отбывания наказания в виде лишения свободы лицами, не достигшими к моменту вынесения приговора совершеннолетия, а также лицами, оставленными в воспитательных колониях до достижения возраста 21 года”³¹. В нем нет никакого упоминания о специфике подобных учреждений для несовершеннолетних – определение вполне отвечает сути этих заведений. Как здесь не вспомнить обсуждения столетней давности: “Деятели, воспитанные на “уставе о содержании под стражей”, мы думаем, не справятся с задачей исправления юных преступников: они будут больше заботиться о крепости тюремных заперов и о надлежащем исполнении инструкций...”³².

Принято считать, что все больше несовершеннолетних совершает особо жестокие преступления. Посмотрим статистику: по данным Федеральной службы исполнения наказаний, из содержащихся в воспитательных колониях около 40% осуждены за кражу, 14% – за грабеж, 13% – за разбой, 7% – за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, 5% – за убийство, 5% – за изнаси-

лование, 3% – за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством, 10% – за совершение иных преступлений³³. По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2005 г., за убийство осуждено 1.6% несовершеннолетних от всех, чьи дела рассмотрены судами (1612 чел., из них 178 – девушек), за кражу – 48.6% (48165 чел.). Безусловно, вызывает тревогу, что несовершеннолетние совершают такие страшные преступления, как убийства, изнасилования и т.п. Но основная масса – кражи. Осмысленно ли применять к тем и другим одни и те же санкции? Помещать их в детскую тюрьму, где имеющие более “тяжкую” статью пользуются гораздо более высоким авторитетом среди сверстников, где господствует культ физической силы?

Нам скажут: если подростка посадили за кражу, значит это далеко не первое его преступление. “Первый раз, как правило, не сажают”, хотя так происходит не всегда. Но не в том суть ювенальной юстиции, что сначала наказывают мягко, а потом жестко. А в том, что наказание применяется, если *исчерпаны все воспитательные меры*, и государство признает свое бессилие. У нас же условное наказание вообще не сопровождается воспитательными мерами, а подростками нередко оно воспринимается как безнаказанность.

Такие, собственно “ювенальные”, санкции, как освобождение от уголовной ответственности с применением мер воспитательного воздействия, применяются ничтожно мало (см. табл. 2). Освобождение от наказания при вынесении обвинительного приговора с помещением в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (что тоже относится к воспитательным мерам, которые могут быть применены и к ряду тяжких преступлений – ст. 92 УК РФ) также используется незначительно (к примеру, по данным Судебного департамента, в 2005 г. – 2.2% осужденных). И это при том, что в Законе от 8 декабря 2003 г. сделан *важный шаг к переопределению направленности правосудия в отношении несовершеннолетних*: в формулировке нормы об уголовной ответственности (ч. 2 ст. 87 УК РФ) на первое место поставлены меры воспитательного воздействия и лишь затем – наказание. Произошла, казалось бы, важная перемена, но практика существенно не сдвигается в сторону воспитательного правосудия. Да и законодатель пока остерегается со всей определенностью и однозначностью выдвинуть воспитание в качестве ведущей цели детского правосудия, а правоприменитель действует *точно в соответствии с целями уголовной юстиции*. Хотя Верховный Суд РФ еще в постановлении Пленума от 14 февраля 2000 г. указывал на

³¹ Юридическая энциклопедия / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина. М., 2001. С. 404.

³² Всесвятский П.В. Несовершеннолетние в тюрьме // Дети-преступники. С. 426.

³³ <http://www.fsin.su>

воспитательный характер правосудия в отношении несовершеннолетних. Система остается прежней.

Эмпирическое исследование некоторых аспектов феномена устойчивости карательного правосудия мы провели в рамках проекта «Обучение судей»³⁴. Цель разработанной нами программы обучения состояла в том, чтобы слушатели не только получали новую информацию, но и могли отразить собственную деятельность. Не имея здесь возможности сколько-нибудь полно представить и проанализировать имеющийся материал³⁵, остановимся на нескольких моментах.

Так, в начале работы участники выделяли положительные и отрицательные черты российского судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Положительные черты были отнесены, как правило, к нашему законодательству, которое оценивалось как *гуманное и соответствующее международным стандартам*.

В нескольких учебных группах (116 судей) давалось задание – решение задачи. Для выполнения задания учебная группа делилась на подгруппы, все подгруппы работали с одним и тем же сюжетом. Задание состояло в том, чтобы вынести и обосновать судебное решение. Если информация, изложенная в задании, оказывалась недостаточной, участникам требовалось придумать недостающие данные и указать, откуда они «были получены» судом. В распоряжении судей имелись нормативные материалы: УК, УПК, Пекинские правила, Конвенция ООН о правах ребенка, Законы РФ «О гарантиях прав ребенка в РФ», «Об основах системы профилактики...» и пр.

В одной задаче двое подростков обвинялись по ст. 161 УК РФ ч. 2 п. «а», «г». Все, решавшие эту задачу, назначили наказания, не связанные с лишением свободы. Однако во время обсуждения один из судей сказал, что это *теоретическое* решение, на практике он назначил бы реальное лишение свободы. И большинство судей солидаризировались с этой позицией. Другой сюжет: условно осужденный подросток совершает преступление, квалифицируемое по ст. 161 ч. 2 п. «а»: «...в 5 часов утра, находясь совместно с неустановленным лицом, выхватил у проходящего мимо молодого человека бутылку водки стоимостью 100 руб. и пачку чипсов стоимостью 40 руб.»). В этом случае позиции разделились относительно квалификации. Одни, согласившись с наличием «предварительного сговора», назначили наказание в виде реального лишения свободы (решения отличались сроком – от 2 до 2,5 лет), другие переквалифицировали преступление на ч. 1 ст. 161 и назначили наказания, не связанные с лишением свободы.

³⁴ Совместный проект Еврокомиссии, Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Российской академии правосудия. Проект (2006–2007 гг.) предусматривал обучение судей районного и областного звена пяти регионов РФ по проблематике ювенальной юстиции. Автор принимала участие в проекте в качестве преподавателя.

³⁵ Наш метод исследования, впитавший черты естественно-экспериментального, фокус-групп и оргдеятельностных игр, позволяет получить значительно более глубокую информацию, чем такие часто используемые методы, как опросы или анкетирование.

Вот некоторые выводы, полученные в обсуждении со слушателями.

1. «Вынесение судебного решения» по уголовным делам означает для судей «назначение наказания».

2. Никаких нормативных материалов кроме УК, редко УПК, использовано не было, что косвенно свидетельствует о том, что приоритет международных стандартов в нашей правовой системе является скорее политической декларацией.

3. Дополнительной информации об условиях жизни и воспитания несовершеннолетних, их социальной ситуации востребовано не было («это не имеет отношения к назначению наказания»). В лучшем случае «привлекалась» недостающая информация для уточнения квалификации преступления.

4. Даже при наличии в УК норм о возможности назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, на практике предпочтение отдается реальному лишению свободы (за бутылку водки и чипсы). Судьи считают, что в подобном случае *обосновать реальное лишение свободы значительно легче* («есть тяжкий состав, есть наказание»); основное для судьи – устойчивость приговора (это показатель, по которому оценивается работа судьи), а судьба ребенка – скорее абстракция.

5. После ознакомления с тем, что такое ювенальная юстиция, большинство участников приходили к выводу, что ювенальная юстиция в России нужна. Но для этого следует принять *специальный закон*. Фактически, мы получили экспериментально, что первоначально высоко оцениваемые нормы нашего законодательства оказываются, по оценке судей, непригодными для действительной реализации ювенальной парадигмы.

Карательный подход к правонарушениям детей и подростков – феномен системный. Важную роль для реализации международных стандартов был призван сыграть Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. Здесь декларируется приоритет благополучия ребенка, необходимость специализации правоприменительных процедур, возможность в рамках правоприменительных процедур принятия мер о социальной реабилитации и пр. Однако эти положения не внесены в законы, непосредственно регламентирующие рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних, Закон оказался во многом декларативным, судьи о нем порой и не осведомлены, во всяком случае, в своих решениях не ссылаются.

Мизерное использование воспитательных санкций можно объяснить отсутствием сети реабилитационно-воспитательных учреждений. Правда, в последние годы стали создаваться социально-реабилитационные и психологические центры и тому подобные учреждения для работы с несовершеннолетними, однако они не позиционируются как *обязанные* или *способные* к работе с детьми, совершившими уголовные преступления. Хотя ситуация здесь двусторонняя: нет учреждений, поскольку судом они не востребованы, а судьи не

назначают воспитательных мер, поскольку некому их поручить³⁶.

Норма УПК РФ, обязывающая изучать условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, особенности его личности (ст. 421) не наполнена практическим смыслом. В крайнем случае, суд использует такого рода (обычно весьма скудные и формальные) сведения для выяснения “истины”, чтобы более адекватно *назначить наказание*, а отнюдь не для того, чтобы *устранить действие негативных факторов на жизнь ребенка*. Но ведь именно в последнем видит свою задачу ювенальный суд. Или обязательное участие педагога либо психолога в допросах лиц до 16 лет (ст. 425 УПК). Зачастую вместо реальной помощи ребенку оно вырождается в чисто номинальное присутствие человека с педагогическим или психологическим дипломом (для протокола).

Федеральный закон “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних” от 24 июня 1999 г. определяет основные органы и учреждения системы профилактики, их задачи, принципы и основания деятельности, особенности профилактической работы. Пока нельзя сказать, что система создана. В рамках настоящей статьи не было возможности остановиться на реагировании на общественно опасные деяния, не относящиеся к разряду уголовных преступлений. Отмечу лишь, что органы и учреждения “системы профилактики” работают разрозненно и во многом ориентированы на формальный “учет и контроль” либо на административно-карательные санкции. Комиссии по делам несовершеннолетних и подразделения по делам несовершеннолетних (в структуре МВД) до сих пор остаются органами устрашения и клеймения. Однако наличие этого Закона дает основание для реализации новых технологий работы с детьми, поскольку декларирует высокие ценности гуманизма, защиты прав и интересов ребенка и пр. и создает правовые условия для складывания сети социально-гуманитарных учреждений для несовершеннолетних.

³⁶ Недавно появилась новая рекомендация Верховного Суда: п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания” предусматривает, что при условном осуждении несовершеннолетнего помимо обязанностей, которые могут быть возложены на него в соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ, суд при наличии к тому оснований вправе обязать осужденного пройти курс социально-педагогической реабилитации (психолого-педагогической коррекции) в специальных учреждениях. Интересно, что судьи, с которыми я работала в мае 2007 г. (около 45 чел.), ничего про это не знали.

Первые шаги новой российской ювенальной юстиции

Итак, российское законодательство содержит “конструктивные элементы”, из которых уже сегодня можно “собрать” некоторые важные с точки зрения ювенальной юстиции фрагменты новой практики. Эти элементы стали правовым основанием для поиска новых форм работы с несовершеннолетними правонарушителями. Разрыв между законодательными предписаниями и реальной практикой, опора на международные стандарты правосудия в отношении несовершеннолетних стали факторами разворачивающегося с конца 90-х годов XX в. в ряде регионов России *экспериментирования*. Экспериментальные площадки ныне в основном формируются на базе судов, а также комиссий по делам несовершеннолетних, комитетов по делам молодежи, психолого-педагогических центров.

Первым инновационным шагом в подобных экспериментах стало введение при судье *фигуры социального работника*, которая символизировала поворот к ювенальной юстиции. Задача социального работника – сбор информации для суда о личности подростка и его социальной ситуации, выявление проблем и факторов, обусловивших совершение преступления, а также разработка мер по его ресоциализации и помощь в их осуществлении, установление контактов с разного рода учреждениями, которые могут оказать помощь в решении проблем подростка. Тем самым идея воспитательного потенциала судебных решений получила механизм реализации в рамках действующего законодательства. Так что дело не только в отсутствии норм, но и в интерпретации имеющихся.

Сегодня в этих поисках отчетливо просматриваются две принципиальные модели: *реабилитационная* (Санкт-Петербург, Ростовская область, Саратов)³⁷, которая ставит в центр решение проблем ребенка, и *восстановительная* (Черемушкинский районный суд Москвы, Урал (Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ), Тюмень, Дзержинск (Нижегородская область), Пермь, Лысьва (Пермский край), которая при решении проблем ребенка фокусируется на создании условий для формирования механизмов ответственного поведения³⁸. Существенная доля освобожденных от уголовной ответственности за примирением сторон (см. табл. 2) позволяет сделать предварительный вывод, что медиация несовершеннолетних правонарушителей с потерпев-

³⁷ См.: Воронова Е.Л., Ткачев В.Н. Ювенальный суд и социальные службы: механизм взаимодействия. Ростов-н/Д., 2004.

³⁸ Организация и проведение программ восстановительного правосудия. Методическое пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова. М., 2006.

шими вполне органична нашей судебной практике. В отличие от “обычного” прекращения дел по этому основанию, когда активность в примирении фактически принадлежит родителям, программы восстановительного правосудия приносят воспитательный ресурс и способствуют подлинной ресоциализации правонарушителя. Модели дополняют друг друга, акцентируя внимание на важнейших аспектах ювенальной юстиции. Их анализ – тема отдельной работы, и мы отсылаем читателя к уже имеющимся описаниям.

Движение за ювенальную юстицию в России развивается: многочисленные конференции, обучающие программы, публикации, издание федерального научно-практического журнала “Вопросы ювенальной юстиции”, расширение поля экспериментирования и пр. Однако в отсутствие специального законодательства новации держатся исключительно на энтузиазме отдельных людей и оказываются весьма уязвимыми.